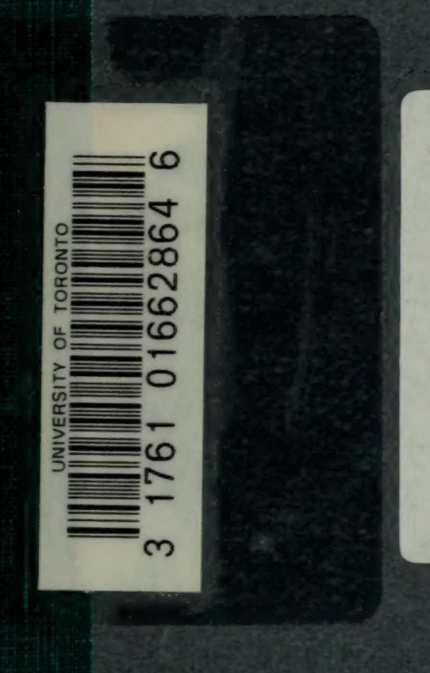

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01662864 6

Вик. Аловъ

РУССКIЕ „ЕРЕТИКИ“

XIV—XVI вв.

Стригольники ▫ Жидовствующiе ▫ Матвѣй Башкинъ ▫ Артемiй Троицкiй ▫ Θеодосiй Косой

Изданiе
Акц. Общ. Типограф.
Дѣла въ С.Петербургѣ
(«Герольдъ») Складъ: 7 рота, 26.

№ 11 Цѣна 10 коп.

ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА.

Подъ такимъ названіемъ Акціонерное Общество Типограф. Дѣла въ СПб. издаетъ, по образцу извѣстной нѣмецкой „Universal-Bibliotek“, рядъ выдающихся произведеній извѣстныхъ писателей русской и западно-европейской литературы, начиная съ классиковъ и кончая современными представителями новыхъ литературныхъ школъ и направленій. Кромѣ того во „Всеобщую Библіотеку„ войдутъ и популярные труды въ области исторіи и науки.

Задача „Всеобщей Библіотеки“ — дать возможность русскому читателю за скромную плату получить то или иное произведеніе всемірной литературы въ строго провѣренной редакціи его текста, въ хорошемъ переводѣ или—для трудовъ слишкомъ громоздкихъ по объему—въ литературномъ изложеніи.

Каждый выпускъ „Всеобщей Библіотеки“ (въ 80—100 страницъ) стоитъ 10 копѣекъ. Болѣе обширные труды будутъ издаваться въ двойныхъ (20 коп.) или въ тройныхъ (30 коп.) выпускахъ.

Въ выпускахъ „Всеобщей Библіотеки“ будутъ напечатаны, между прочимъ:

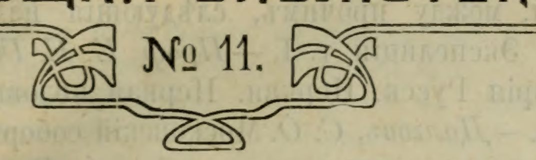
Русскіе классики.

Богдановичъ. Душенька. (Поэма). **Веневитиновъ.** Стихотворенія. **Гоголь.** Сочиненія. **Давыдовъ, Денисъ.** Стихотворенія. **Дельвигъ.** Стихотворенія. **Державинъ.** Сочиненія. **Дмитріевъ, Ив.** Сказки и басни. **Жуковскій.** Сочиненія. **Загоскинъ.** Брынскій лѣсъ. (Романъ). **Капнистъ.** Ябеда. (Комедія). **Карамзинъ.** Сочиненія. **Кольцовъ.** Стихотворенія. **Крыловъ.** Басни. **Лермонтовъ.** Сочиненія. **Марлинскій.** Фрегатъ Надежда. **Одоевскій.** Стихотворенія. **Полежаевъ.** Стихотворенія. **Пушкинъ.** Сочиненія. **Растопчина, граф.** Стихотворенія. **Рылѣевъ.** Думы.—Войнаровскій. **Толстой Л.** Разсказы послѣднихъ лѣтъ. **Фонвизинъ.** Недоросль.—Бригадиръ. **Хемницеръ.** Басни и сказки. **Шевченко.** Стихотворенія.

Иностранные авторы.

Амичисъ. Записки школьника. **Андерсенъ.** Сказки. **Байронъ.** Манфредъ. **Бульверъ.** Кола ди-Ріензи; Послѣдніе дни Помпеи. **Бьернстерне-Бьернсонъ.** Перчатка.

ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 11.

Вик. АЛОВЪ.

Русскіе „еретики"

XIV — XVI вѣковъ.

Стригольники. — „Жидовствующіе". — Матвѣй Башкинъ. — Артемій Троицкій. — Ѳеодосій Косой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія „Герольдъ", 7 рота, д. 26.

Матеріалами для настоящихъ очерковъ послужили, между прочимъ, слѣдующія изданія: Акты Арх. Экспедиціи, т. I.—*Проф. Е. Е. Голубинскій.* Исторія Русск. Церкви. Первая половина второго тома.—*Долговъ, С. О.* Московскій соборъ 1490 года противъ жидовствующихъ.—*Іосифъ Волоцкой.* Просвѣтитель.—*Ѳ. Калугинъ.* Зиновій инокъ Отенскій.—*М. А. Колчинъ.* Ссыльные и заточенные въ острогѣ Соловецкаго монастыря.—*Н. И. Костомаровъ.* Монографіи, т. I.—*Князь Курбскій.* Сказанія.—*Преосв. Макарій.* Исторія Русской Церкви, т. 6 и 7.— *Проф. И. И. Малышевскій.* О зарожденіи религіозныхъ сектъ въ Россіи съ раціоналистическимъ направленіемъ. —*Его-же.* Подложное письмо половца Ивана Смеры.—*Б. Меліоранскій.* Къ исторіи противоцерковныхъ движеній въ Македоніи въ XIV вѣкѣ.—*П. Н. Милюковъ.* Очерки по исторіи русской культуры, ч. II.—Никоновская лѣтопись.—*И. Пановъ.* Ересь жидовствующихъ.—*К. Радченко.* Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху предъ турецкимъ завоеваніемъ.—*Свящ. С. Садковскій.* Артемій, игуменъ Троицкій.—*Проф. А. И. Соболевскій.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ.—*А. Н. Сервицкій.* Опытъ изслѣдованія ереси новгородскихъ еретиковъ или жидовствующихъ. —*М. Н. Сперанскій.* Псалтырь жидовствующихъ.—*П. А. Сырку.* Исторія исправленія книгъ въ Болгаріи.—*Проф. Н. С. Тихонравовъ.* Сочиненія, т. I.—*Ѳ. Успенскій.* Очерки византійской образованности и др.

Еретиковъ ловили и отдавали на поруки, но четве рымъ изъ нихъ удалось бѣжать въ Москву.

Митрополитъ Геронтій не былъ склоненъ заводить большое дѣло о ереси, тѣмъ болѣе, что ересь проникла въ царскій дворецъ и тамъ нашла себѣ послѣдователей и защитниковъ. Геннадій безпокоился, писалъ одно за другимъ посланія, докучалъ и, наконецъ, добился собора по дѣлу еретиковъ: трое изъ обличенныхъ еретиковъ были подвергнуты «градской казни», а Геннадій снова получилъ приказъ «съ великимъ прилежаніемъ и многимъ извѣщеніемъ» производить обыскъ. Геннадій снова «выявилъ» очень многихъ еретиковъ и наиболѣе упорныхъ передавалъ намѣстникамъ для казни, высылая въ Москву ихъ показанія. Но ересь окрѣпла уже въ Москвѣ: Геннадіевы донесенія были «положены ни за что», ибо сама невѣстка великаго князя — Елена оказалась совращенною въ ересь новыми московскими ея адептами, среди которыхъ первое мѣсто принадлежало дьяку Ѳедору Курицыну, отличавшемуся образованностью и собиравшему въ своемъ домѣ еретиковъ на бесѣды. Изученный «звѣздозаконію, многимъ баснотвореніямъ, астрологіи, чародѣйству и чернокнижію», Курицынъ и протопопъ Алексѣй совершенно забрали въ руки великаго князя и, по ихъ настояніямъ, митрополитомъ, на освободившуюся московскую каѳедру, былъ поставленъ Зосима, котораго считали сторонникомъ ереси.

Съ назначеніемъ новаго митрополита новгородскіе еретики оживились и стали чинить надругательства надъ иконами. Снова принимается за посланія Геннадій, требуя созыва собора «на еретики», пугая, что если не выведутъ ересь, то «срамота» падетъ на всю землю, указывая на примѣръ «Шпанскаго короля» инквизиціей «очистившаго свою землю». Труды новгородскаго ревнителя увѣнчались успѣхомъ и на этотъ разъ: 17 октября 1490 года открылись засѣданія того самаго собора противъ еретиковъ, приговоръ

котораго мы цитировали уже. Одинъ протоіерей, два священника, два дьякона, два дьяка и зять одного изъ обвиненныхъ — были преданы анаѳемѣ, извержены изъ сана и осуждены на заточеніе. Геннадій торжествовалъ: онъ приказалъ встрѣтить высылавшихся къ нему новгородскихъ еретиковъ за 40 верстъ отъ города, одѣть на нихъ вывороченныя одежды, посадить на лошадей лицомъ къ хвосту и т. п. и въ такомъ видѣ провезти это «сатанино войско» по улицамъ, дабы «уцѣломудрились» зрители, которымъ предписывалось плевать на еретиковъ и говорить: «се враги Божіи и христіанскіе хульницы!»

Однако и это, очевидно, позаимствованное отъ «Шпанскаго короля», наказаніе не подѣйствовало. Наступилъ конецъ «седьмой тысящи лѣтъ» — 1492 г. Наша пасхалія кончалась именно этимъ годомъ, вмѣсто слѣдующаго было написано: «здѣ страхъ, здѣ скорбь, яко въ распятіи Христовѣ сей кругъ бысть, сіе лѣто и на конецъ явися, въ немъ же чаемъ всемірное Твое пришествіе».

Всеобщее не только для Россіи, но и всей Восточной Церкви ожиданіе конца міра въ 1492 г. — въ конецъ «седьмой тысящи лѣтъ», основанное на нѣкоторыхъ словахъ святотеческихъ писаній, и, разумѣется, не сбывшееся — дало еретикамъ поводъ «похулить всю седмь соборовъ святыхъ», а въ особенности Ефрема Сирина, свыше чѣмъ за тысячу лѣтъ до еретиковъ предсказывавшаго близость второго пришествія. «Чего ради нѣсть втораго пришествія? — спрашивали еретики. — А уже время ему быти. Апостоли убо написаша, яко Христосъ родися впослѣдняя лѣта, а уже тысяща и пятьсотъ лѣтъ прейде по Христовѣ рождествѣ, а втораго пришествія Христова нѣсть; апостольская писанія ложна суть».

Это несбывшееся чаяніе нанесло жестокій ударъ православію: истиннымъ оказалось въ глазахъ массы ученіе еретиковъ, а не господствующей Церкви «И толико бысть смущеніе въ христіанѣхъ, якова же

никогда-же быша». Ученость еретиковъ, умѣвшихъ «и по звѣздамъ смотрѣти, и строити рожение и житие человѣческое» получила мощное подтвержденіе въ самой дѣйствительности.

Уже не одни еретики устраивали теперь свои религіозныя собранія, но «и въ домѣхъ, и на путѣхъ, и на торжищахъ» всюду завелись религіозные споры: «иноци и мірстіи и вси сумнятся, вси о вѣрѣ пытають». Такое движеніе вызвали аристотелевско-аверроистическія книги, занесенныя къ намъ Схаріей!

Геннадій, занявшись составленіемъ пасхаліи на непредвидѣнную господствующей Церковью «осьмую тысящу» лѣтъ, не могъ все-же оставить и дѣла о еретикахъ. Призвавъ помощникомъ себѣ Іосифа Волоцкаго, онъ снова вступилъ въ борьбу съ московскими еретиками, которые слились съ партіей царевича Димитрія — внука царствовавшаго Іоанна III, являвшагося претендентомъ на престолъ послѣ дѣда. Закипѣла борьба... «Доколѣ не искоренится той вторый Іуда (т.-е. митроп. Зосима), по малѣ укрѣпится и во вся человѣки внидетъ отступленіе», писалъ Іосифъ Волоцкой. Усиліями Геннадія и Іосифа наконецъ удалось удалить митрополита Зосиму (17 мая 1494 г.) и поставить на его мѣсто Симона, но и при немъ долго не представлялось возможности дать ходъ дѣлу о еретикахъ. Лишь послѣ опалы, постигшей партію Димитрія, а слѣдовательно и «жидовствующихъ», въ 1503 году, явилась эта возможность. Іосифъ имѣлъ случай бесѣдовать съ великимъ княземъ о «жидовствующихъ» и выпросилъ у него обѣщаніе приказать о сыскѣ еретиковъ въ Новгородѣ. Но это обѣщаніе что-то долго не выполнялось: великій князь, видимо, находился еще подъ вліяніемъ еретиковъ.

На вопросѣ объ отношеніи къ «жидовствующимъ» еретикамъ стали лицомъ къ лицу двѣ церковныя партіи древней Руси: представители господствующей Церкви — «осифляне» и «нестяжатели».

«Нестяжатели» въ пониманіи христіанской религіи ушли далеко не только отъ правящей Церкви своего времени, но и отъ всей православной Руси. Почти во всемъ взгляды «нестяжателей» были противоположны обще-распространеннымъ и принятымъ правящею Церковью. «Кто одними устами молится, а объ умѣ небрежетъ, тотъ молится на воздухъ», говорили они представителямъ Церкви и всѣмъ вѣрующимъ, по уши погрузившимся въ обряды, въ попеченіе о «тѣлесномъ благообразіи», безъ котораго, по общераспространеннымъ воззрѣніямъ, невозможно было достигнуть и внутренней «лѣпоты». «Нестяжатели» отрицали всякую цѣнность внѣшнихъ подвиговъ вѣры, если они не оправдываются, не вытекаютъ изъ внутренней жизни, не являются истинно духовною потребностью. И съ этой точки зрѣнія они отрицали даже роскошь церковныхъ украшеній, о которой такъ заботились «осифляне». Въ разрѣзъ съ общимъ воззрѣніемъ шли и взгляды «нестяжателей» на христіанскую письменность. «Писанія бо многа, но не вся божественна суть», говорили «заволжскіе старцы» церковному обществу и народу, среди котораго ходило безчисленное множество апокрифовъ, въ которомъ зрѣли будущіе стояльцы и мученики за «единый божественный азъ». И такъ во всемъ — вплоть до отдѣленія Церкви отъ государства — «нестяжатели» являлись принципіальными противниками господствующихъ воззрѣній.

Но всего опаснѣе для правящей Церкви, и тогда уже смотрѣвшей на монастыри, какъ на «разсадники церковныхъ властей», — было «нестяжательство» заволжскихъ старцевъ, ярко выступившее на соборѣ 1503 года. Старецъ Нилъ Сорскій — глава «нестяжателей» — открыто и настойчиво выступилъ въ этомъ соборѣ противникомъ монастырскаго землевладѣнія, коснулся самаго чувствительнаго, больного мѣста правящей Церкви. «Если у монастырей селъ не будетъ, — говорилъ на соборѣ представитель правящей Церкви,

Іосифъ, — то какъ честному и благородному человѣку постричься? Если не будетъ честныхъ старцевъ, то откуда взять намъ митрополію, или архіепископа, или епископа?» И опасенія, что монастыри лишатся средствъ, а съ ними и возможности продолжать устроеніе «тѣлеснаго благообразія» монашества, — взяли верхъ на соборѣ: онъ отказался отступиться отъ владѣнія землей, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда монахи явно злоупотребляли своею властью, какъ землевладѣльцы. Да и какъ было отступиться, когда въ то время постригались въ монашество съ цѣлью «спокойно ѣсть хлѣбъ свой», какъ сказалъ Флетчеру вологодскій епископъ. Интересы «стяжанія» фактически восторжествовали надъ евангельскими завѣтами, но вопросъ былъ поставленъ въ упоръ и полемика по поводу монастырскаго землевладѣнія на долго пережила и «стяжателя» Іосифа и «нестяжателя» Нила. Только вслѣдствіе массоваго народнаго невѣжества и слѣпой консервативной привязанности ко внѣшнимъ формамъ церковной жизни — ученіе «заволжскихъ старцевъ» не нашло широкихъ путей въ изнывавшіе у землевладѣльцевъ низшіе классы населенія, не стало революціоннымъ двигателемъ.

Изъ разговоровъ Іосифа съ великимъ княземъ о «жидовствующихъ» возникъ вопросъ о допустимости казней для еретиковъ вообще, въ обсужденіи котораго горячее участіе приняли и «нестяжатели». Іосифъ, особенно упирая на примѣры византійскихъ императоровъ, отстаивалъ смертную казнь; «заволжскіе старцы» возражали, опираясь на евангельскіе завѣты. «Нестяжатели» подчасъ съ большимъ искусствомъ отвѣчали Іосифу. Когда, напримѣръ, Іосифъ сослался на апостола Петра, поразившаго молитвой Симона Волхва, «нестяжатели» лукаво говорили: «и ты, господине Іосифе, сотвори молитву, да иже недостойныхъ еретикъ и грѣшниковъ пожретъ ихъ земля». «Ты, господине, почто не испытаеши своея святости, не связалъ архим. Касьяна своею мантіею, донелѣжъ

бы онъ сгорѣлъ, а ты въ пламени его держалъ, а мы-бъ тебя, яко единаго отъ трехъ отроковъ — изъ пламени изшелъ — да пріяли. Поразумѣй, господине, яко много розни промежъ Моисея и Иліи, и Петра и Павла апостоловъ, да и тебя отъ нихъ».

Споръ этотъ производился въ сущности для молодого великаго князя Василія Іоанновича и византійскіе примѣры Іосифа побѣдили. Въ декабрѣ 1504 г. открылся новый соборъ на еретиковъ. Некрасъ Рукавой, дьякъ Волкъ-Курицынъ, Митя Пустословъ, архимандритъ Кассіанъ, Иванъ Самочерный и цѣлый рядъ другихъ — были сожжены. Нераскаявшихся разослали по монастырямъ.

«Осифлянство» одержало полную побѣду: оно «перепрѣло» и «препобѣдило» заволжскихъ «нестяжателей», а съ ними вмѣстѣ и явныхъ еретиковъ-жидовствующихъ. По крайней мѣрѣ, послѣ 1504 года извѣстія о жидовствующихъ прекращаются. Но за то почти всѣ религіозныя броженія на Руси — начиная съ Башкина и кончая Тверитиновымъ, а за нимъ и современными сектантами — носятъ «жидовскую» окраску.

Упорство, проявленное правящею Церковью въ борьбѣ съ ересью, вполнѣ понятно. Ею руководилъ не безосновательный страхъ предъ возможностью своего рода реформаціи русской Церкви. Пока ересь гнѣздилась въ боярскихъ палатахъ и пряталась по подпольямъ — она не была еще такъ опасна. Но въ 1492 году она вышла «на торжища». Этотъ выходъ былъ, въ сущности, объявленіемъ войны православію. Правящая Церковь оказалась, однако, вполнѣ жизнеспособною и выдвинула противъ еретиковъ такого ловкаго дипломата и политика, какъ Волоцкой игумень. Онъ перенесъ центръ тяжести борьбы въ область политическую, гдѣ обстоятельства слагались несчастливо для еретиковъ, и на этой почвѣ нанесъ имъ рѣшительный ударъ.

Матвѣй Башкинъ и Артемій игуменъ Троицкій.

Исторія не много сохранила свѣдѣній о Матвѣѣ Семеновичѣ Башкинѣ — неизвѣстно даже его соціальное положеніе и происхожденіе. Жилъ онъ въ Москвѣ и былъ, очевидно, человѣкомъ книжнымъ и зажиточнымъ, такъ какъ имѣлъ крѣпостныхъ. Извѣстно, что братъ Матвѣя Башкина собственноручно переписалъ и подарилъ въ церковь одну изъ священныхъ книгъ. Внимательное чтеніе Евангелія и Апостола повергло Башкина въ сомнѣнія и недоумѣнія: непримиримыя противорѣчія между евангельскими завѣтами и всѣмъ строемъ окружавшей Башкина жизни стали мучить его. «Въ душѣ его было какое-то волненіе, жажда добра, стремленіе перелить слово въ дѣло; въ то-же время онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что вокругъ себя мало находилъ приложенія евангельскихъ истинъ къ жизни», говоритъ Костомаровъ. По характеристикѣ проф. Голубинскаго, Башкинъ былъ «человѣкъ съ горячимъ религіознымъ чувствомъ и вмѣстѣ съ глубокимъ и живымъ чувствомъ нравственности». Но при всемъ этомъ, Башкинъ былъ, очевидно, не особенно увѣренъ въ своемъ религіозномъ міровоззрѣніи, часто впадалъ въ сомнѣнія, мучился ими и искалъ поддержки, совѣтовъ, учителей. На церковномъ соборѣ Башкинъ назвалъ своими учителями «латинцевъ»: аптекаря Матвѣя Литвина и Андрея Хотѣева. Но не они, конечно, заронили сомнѣнія въ душу Башкина: въ его «ереси» отразились ученія и «жидовствующихъ», и «нестяжателей». Онъ

и самъ говорилъ на соборѣ, что его взгляды одобрялись заволжскими старцами: они «его злобы не хулили, а утверждали его въ томъ». Башкинъ, вѣроятно, и лично побывалъ въ заволжскихъ скитахъ; быть можетъ, не разъ даже.

Религіозныя исканія Башкина нашли не только сочувствующихъ, но и послѣдователей. Вокругъ него образовался цѣлый кружокъ «взыскующихъ», о которомъ ходили темные, но недобрые слухи по Москвѣ. Среди этихъ «еретиковъ» были братья Иванъ и Григорій Борисовы и какіе-то Ѳома съ Игнатіемъ. Впослѣдствіи, на соборѣ, число соумышленниковъ Башкина еще болѣе увеличилось. Оказались они, конечно, и въ заволжскихъ скитахъ...

Соборный приговоръ надъ Башкинымъ утраченъ, но въ письмѣ Грознаго къ Максиму Греку и соборной грамотѣ объ игуменѣ Артеміи, обвинявшемся въ одной «ереси» съ Башкинымъ, сущность ихъ ученія такова: Іисуса Христа не равнымъ Отцу «повѣдаютъ»; таинство причащенія «ни во что-жъ полагаютъ, но токмо простъ хлѣбъ и просто вино вмѣняютъ»; отрицаютъ храмы, «глаголюще, яко вѣрныхъ соборъ сіе есть только Церковь, сія-жъ зданная ничтожъ есть»; называютъ иконы «идолами окаянными»; отрицаютъ таинство покаянія, говоря, что человѣкъ «какъ престанетъ грѣхъ творити, аще у священника и не покается, то нѣсть ему грѣха»; житія св. отцовъ и отеческія преданія считаютъ «баснословіемъ»; про постановленія вселенскихъ соборовъ говорятъ: «все себя для писали, чтобъ имъ всѣмъ владѣти и царскимъ и святительскимъ»; говоря по-просту («спроста рещи») — «вся божественная писаніе баснословіе наричютъ», а Евангеліе и Апостолъ «не истинно излагаютъ».

Это ученіе носитъ на себѣ прежде всего ясные слѣды воззрѣній заволжскихъ старцевъ. Послѣдовательно развивая теорію необходимости внутренняго самоусовершенствованія и отрицая серьезное значеніе

обрядовой стороны, «еретики» и должны были придти къ отрицанію таинствъ и храмовъ, сближаясь въ этомъ съ протестантизмомъ. «Учителя» Башкина, Матвѣй Литвинъ и Андрей Хотѣевъ, какъ люди зараженные протестантизмомъ, могли оказать въ этомъ отношеніи сильное вліяніе на Башкина, придать его сомнѣніямъ болѣе рѣшительныя формы. Критическое-же отношеніе къ церковной письменности, какъ мы видѣли, было и у «нестяжателей», и у «жидовствующихъ». Да его и не могло не явиться при внимательномъ отношеніи къ тогдашнимъ церковнымъ книгамъ, полнымъ грубѣйшихъ ошибокъ и загроможденныхъ плодами невѣжества истолкователей.

«Ересь» Башкина выростала такимъ образомъ на нашей, русской почвѣ, питалась нашими религіозными исканіями. Западу принадлежала второстепенная роль: онъ не создавалъ, а только укрѣплялъ созидаемое.

Твердой увѣренности въ томъ, что ученіе Башкина изложено въ дошедшихъ до насъ документахъ не только съ исчерпывающей полнотой, но даже и съ полною достовѣрностью, къ сожалѣнію, у насъ быть не можетъ. Наиболѣе внушающимъ сомнѣнія обстоятельствомъ является пристрастность суда надъ «еретиками», стремленіе непремѣнно обвинить ихъ, запутать, осложнить дѣло второстепенными обстоятельствами. Ящикъ № 222 царскаго архива, въ которомъ были, между прочимъ, «списки черные (черновые) Матоея Башкина, да Ортемья бывшего игумена Троицкаго» не дошелъ до насъ и провѣрить формулировку обвиненія нѣтъ возможности. Въ этомъ ящикѣ хранилась, вѣроятно, и та рукопись, въ которой Башкинъ, по приказу митрополита, «своею рукою исписа и свое еретичество, и свои единомысленники о всемъ подлинно».

«Ересь» Башкина обнаружилась случайно. Мучимый религіозными сомнѣніями, Башкинъ рѣшилъ обратиться за разъясненіями къ представителямъ господствующей Церкви. Великимъ постомъ къ благовѣ-

щенскому священнику Симеону явился съ просьбою принять его на исповѣдь «сынъ духовный необыченъ»— Матвѣй Башкинъ. Онъ объявилъ себя христіаниномъ, вѣрующимъ въ Троицу и поклоняющимся иконамъ. На самой исповѣди Башкинъ говорилъ Симеону о величіи пастырства, о томъ, что въ Евангеліи сказано: «ничтожъ сея любви больши, еже положити душу своя за други своя» и что духовенство выполняетъ эту заповѣдь. «И вы, души своя по насъ-де (мірянахъ) полагаете, и бдите о душахъ нашихъ, яко слово воздати вамъ (священникамъ) въ день судный».

Священникъ, видимо, понравился Башкину и онъ сошелся съ нимъ ближе, сталъ ѣздить къ нему на «подворье» для бесѣды по поводу евангельскихъ текстовъ. Башкинъ говорилъ Симеону:

— Бога ради, пользуй меня душевно. Надобно читать, что въ Евангеліи написано, да не надѣяться на слова, а и дѣломъ совершать («быти-бъ и дѣломъ совершитись»). Все начало отъ васъ, священниковъ; вамъ надо примѣръ показать, да и насъ учить. И въ Евангеліи сказано: «научитесь отъ Меня, яко кротокъ есть и смиренъ сердцемъ; иго-бо Мое благо и бремя Мое легко есть». А иначе какая нужда быть человѣку смирнымъ, кроткимъ и тихимъ («ино-де, которая нужа человѣку быти смирну, кротку и тиху»)?

Башкинъ хотѣлъ видѣть у священниковъ примѣръ жизни по евангельскимъ завѣтамъ, хотѣлъ найти помощь, ободреніе, но не находилъ ея и у Симеона. Однако, его сношенія съ Симеономъ продолжались нѣсколько мѣсяцевъ. Башкинъ призывалъ Симеона къ себѣ и, между прочимъ, говорилъ ему:

— Весь законъ заключается въ словахъ: «возлюби ближняго своего, какъ самаго себя» и «если себя грызете и ѣдите, смотрите, какъ бы не быть съѣденными другъ отъ друга». А мы Христовыхъ рабовъ у себя держимъ. Христосъ всѣхъ братьями называетъ, а у насъ

на однихъ кабалы, на другихъ бѣглыя (грамоты), порядныя (записи) и полныя (кабалы). Я, благодарю Бога моего, всѣ кабалы, что было у меня, изодралъ, а людей своихъ держу добровольно. Добро ему и онъ живетъ, а не добро — идетъ куда хочетъ. А вамъ-бы, отцамъ, пригоже часто посѣщать насъ и указывать о всемъ: какъ намъ самимъ жить и людей у себя держать по волѣ («не томително»).

Башкинъ добивался вмѣшательства духовенства въ общественную жизнь, требовалъ истиннаго пастырскаго служенія, облегченія участи крѣпостныхъ. Онъ еще разъ призывалъ къ себѣ Симеона, показалъ ему размѣченный воскомъ («по мѣстомъ извощенъ») Апостолъ и сталъ задавать недоумѣнные вопросы. Симеону эти «простираемые» Башкинымъ «недоумѣнные вопросы» и толкованія показались «развратными» и онъ отговаривался незнаніемъ.

— И я того не знаю, — признавался Башкинъ.— А ты-бы, отецъ, спросилъ Сильвестра (второй благовѣщенскій священникъ, извѣстный учитель Грознаго), онъ тебѣ скажетъ, а ты мнѣ передашь.

Симеонъ пересказалъ свои бесѣды съ Башкинымъ Сильвестру, но вовсе не съ цѣлью развѣять сомнѣнія искателя, а начать «дѣло» объ его «еретичествѣ». Какъ увидимъ, это былъ не первый уже случай съ благовѣщенскими священниками и Макарій въ своей «Исторіи Русской Церкви» едва-ли не напрасно старается подчеркнуть, что Симеонъ не все донесъ Грозному о Башкинѣ въ видахъ самосохраненія. Когда Симеонъ и Сильвестръ донесли о Башкинѣ Грозному, тотъ потребовалъ «измѣченный воскомъ» Апостолъ у Башкина. Съ этого и началось дѣло о «еретикахъ», очень быстро разросшееся и запутавшееся. Башкинъ и четверо его единомышленниковъ были арестованы и заключены въ подклѣтяхъ царскаго дворца. Стали припоминать другихъ подозрительныхъ вольнодумцевъ и вспомнили пробывшаго

троицкаго игумена Артемія и его ученика Порфирія, жившихъ въ заволжскихъ пустыняхъ. Ихъ вызвали въ Москву будто-бы для участія въ соборѣ противъ еретиковъ «Матюшки Башкина съ товарищи», а въ дѣйствительности — просто для надзора. «Осифляне» не прочь были при случаѣ досадить «нестяжателямъ». И этимъ дѣломъ руководили тѣ-же Сильвестръ и Симеонъ, еще раньше вывѣдавшіе взгляды Порфирія и доносившіе на него царю, но въ то время Грозный не далъ хода дѣлу, быть можетъ потому, что самъ еще нуждался въ совѣтахъ и указаніяхъ Артемія.

Вообще, дѣломъ Башкина, видимо, старались воспользоваться съ цѣлью «насолить» заволжскимъ старцамъ. Къ заключенному Башкину умышленно приставили двухъ старцевъ изъ самаго горнила «осифлянства» — Волоколамскаго монастыря: Герасима Ленкова и Филофея Полева. Проф. Голубинскій въ своей «Исторіи Русской Церкви» не безъ основанія предполагаетъ, что эти именно старцы и научили растерявшагося Башкина запутать въ дѣло Артемія, одного изъ видныхъ и опасныхъ враговъ «осифлянъ».

Артемій былъ одно время близокъ къ Грозному, состоялъ съ нимъ въ перепискѣ, «его царь зѣло любяше и многажды бесѣдоваше, поучаяся отъ него», какъ говоритъ Курбскій; можно было подозрѣвать, что не безъ вліянія Артемія состоялись и ограничивавшія права монастырскаго землевладѣнія постановленія Стоглаваго собора. Избавиться отъ такого человѣка было для «осифлянъ» во всякомъ случаѣ выгодно и въ этомъ именно надо искать первоисточникъ ихъ судейскаго усердія.

Грозный началъ «премудрѣ» испытывать «еретиковъ», повидимому, еще до собора. «Еретики» довольно твердо стояли на томъ, что они — православные христіане и только нѣкоторые повинились въ непочитаніи иконъ. Послѣ допроса Башкинъ впалъ въ нервное разстройство: «богопустнымъ гнѣвомъ обли-

ченъ бысть, бѣсу преданъ и языкъ извѣся, непотребная и нестройная глаголаше на многіе часы».

Башкинъ, повидимому, вообще не обладалъ крѣпкимъ характеромъ, да и допросъ Грознаго чего-нибудь стоилъ. Грозный любилъ богословскія пренія, но при недостаткѣ аргументовъ прибѣгалъ не только къ ругательствамъ, но и къ побоямъ. Лифляндскаго пастора, осмѣлившагося сравнить Лютера съ ап. Павломъ, Грозный ударилъ по головѣ съ крикомъ: «ступай къ черту со своимъ Лютеромъ», а другой пасторъ — Ѳома, замѣшанный въ дѣлѣ Косаго, былъ едва-ли не собственноручно утопленъ Грознымъ въ Полоцкѣ. Это не даетъ, конечно, права предполагать, что подобные «аргументы» были употреблены и въ настоящемъ случаѣ, но во всякомъ случаѣ характеризуютъ «слѣдователя».

Нервное разстройство Башкина, какъ и весь вообще нерѣшительный тонъ его, показываютъ, что его новыя религіозныя убѣжденія не были еще достаточно твердыми. Въ порывѣ чистаго религіознаго увлеченія онъ освободилъ своихъ холоповъ, но когда наступило время открытаго исповѣданія убѣжденій — растерялся и поддался постороннимъ внушеніямъ.

Начались засѣданія собора. Башкинъ оговорилъ Артемія и ихъ поставили другъ-другу «на очи», но ничего не добились. Артемій запирался, относился къ Башкину, какъ человѣку несвѣдущему въ религіозныхъ вопросахъ и не хотѣлъ признавать его еретикомъ. То обстоятельство, что Артемій, еще до собора, напугавшись слуховъ, будто Башкинъ «оговариваетъ» его, ушелъ тайкомъ изъ Москвы въ заволжскія пустыни, — сильно повредило Артемію. Его вторично вытребовали изъ пустынь на соборъ уже обвиняемымъ.

Такъ какъ Артемій не винился въ единомысліи съ Башкинымъ прямо, митрополитъ Макарій сталъ добиваться косвенныхъ показаній, сталъ ловить

Артемія на словахъ. Но это была нелегкая задача, даже для Макарія.

— Башкинъ, — говорилъ онъ, — отдѣляетъ Отца отъ Сына, равенства Ихъ не признаетъ. Говоритъ: «если я Сына прогнѣвлю, такъ Богъ Отецъ при второмъ пришествіи освободитъ меня отъ мукъ, а если Отца прогнѣвлю, такъ Сынъ меня не избавитъ».

Артемій далъ на это митрополиту вполнѣ надлежащій отвѣтъ:

— Матвѣй ребячье дѣлаетъ и самъ не знаетъ, что выдумываетъ. А въ Писаніи этого нѣтъ, не писано и въ ересяхъ.

Макарій задаетъ новый вопросъ:

— Прежніе еретики не каялись и ихъ святители проклинали, а цари заточали и казнили.

— Меня вызвали еретиковъ судить, а я такъ не могу судить, чтобы предавать ихъ казни, — высказывалъ Артемій «нестяжательскія» воззрѣнія. — Да сейчасъ и еретиковъ нѣтъ: «и въ споръ никто не говоритъ».

Митрополитъ снова вернулся къ составленной Башкинымъ молитвѣ:

— Матвѣй молитву написалъ Одному Богу Отцу, а Сына отставилъ.

— Нечего и выдумывать было: вѣдь есть молитва, написана, Манассіи къ Вседержителю.

Новый «лукавый» вопросъ Макарія:

— То было до Рождества Христова, а кто теперь такъ напишетъ, тотъ еретикъ.

— Но Манассіева молитва «въ пефимонѣ въ большомъ написана и говорятъ ее», — отвѣчалъ Артемій, защищая одновременно и Башкина, и самаго себя.

Этою защитою Башкина Артеміемъ завершаются всѣ имѣющіяся данныя объ его «вольномысліи». Судя по всѣмъ этимъ даннымъ, взглядъ Артемія на Башкина былъ близокъ къ истинѣ: Башкинъ если и оказался «еретикомъ», то по неволѣ, за недостаткомъ учительства у представителей правящей Церкви, убѣ-

дительныхъ разъясненій со стороны болѣе свѣдущихъ лицъ, чѣмъ самъ онъ. Мы видѣли, какъ печально окончилась его попытка обратиться за разъясненіями къ представителямъ правящей Церкви. Самый фактъ его обращенія за учительными совѣтами къ «осифлянамъ», указываетъ, что «нестяжатели» — заволжскіе старцы — не только не могли окончательно уничтожить его личныхъ сомнѣній, а скорѣе лишь укрѣпляли ихъ. Предполагать, что старцы дѣлали это съ предвзятымъ намѣреніемъ — создать въ народѣ смущеніе, — едва-ли возможно. Башкинъ съ его слабымъ характеромъ, конечно, не годился въ проповѣдники новаго ученія. Онъ могъ найти — и нашелъ — такихъ-же, какъ онъ, сомнѣвающихся и ищущихъ, но въ созидатели новой вѣры, въ реформаторы, попасть не могъ.

Изъ соборной формулировки ученія Башкина и разспросовъ Артемія Макаріемъ видно, на какой почвѣ выросла «ересь» Башкина. Плохое знаніе догматики, слѣпое довѣріе ко всякому слову въ «божественной» книгѣ, хотя-бы то былъ апокрифъ, попытки все прикрывать ученіемъ отцовъ Церкви и канонами, низведеніе понятія Церкви-союза до зданія-храма, смертныя казни еретиковъ, отсутствіе истиннаго пастырства, котораго такъ жаждалъ Башкинъ, — все это были заурядные факты тогдашней церковной жизни. Одни мирились съ ними или просто не замѣчали ихъ противорѣчія съ евангельскимъ ученіемъ, другіе — какъ Башкинъ — искали выхода въ крайностяхъ, въ отрицаніяхъ. Искали не безъ робости, не безъ долгихъ мучительныхъ колебаній и сомнѣній, которыя некому было разсѣять. Мы не знаемъ, что говорили Башкину его учителя «латинцы», но представители господствующей Церкви заговорили съ нимъ только на судѣ, сдѣлавъ изъ него обвиняемаго. И вмѣсто братскаго участія, вмѣсто учительнаго слова и примѣра, «ересь» Башкина рѣшили уничтожить жестокою, не заслуженною имъ карой—

пожизненнымъ заточеніемъ въ центръ «осифлянства»— Волоколамскій Іосифовъ монастырь.

Были заточены въ монастыри и единомышленники Башкина — братья Борисовы; одинъ изъ нихъ — Иванъ — заточенный на Валаамъ, бѣжалъ оттуда въ Швецію; мѣсто заточенія и судьба другого — неизвѣстны.

Покончивъ съ Башкинымъ, соборъ не менѣе жестоко расправился и съ Артеміемъ, противъ котораго выступало шесть обвинителей. Часть обвиненій спала за полною ихъ бездоказательностью, но соборъ не преминулъ воспользоваться и уцѣлѣвшими крохами, чтобы покарать вольнодумца. Нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій очень характерны и ярко рисуютъ какъ «вольнодумство» Артемія, такъ и строгость его судей.

Артемій происходилъ изъ Пскова. Однажды онъ ѣздилъ оттуда въ «новый нѣмецкій городокъ» (Нейгаузенъ?) и спрашивалъ у властей: нѣтъ-ли человѣка, знающаго хорошо нѣмецкую вѣру, чтобы «поговорить съ нимъ книгами». Но такого человѣка не оказалось и диспутъ не состоялся. Артемія, очевидно, интересовало новое протестантское вѣроученіе и этотъ-то интересъ былъ вмѣненъ ему въ вину: онъ долженъ былъ вѣдать, что «латинская вѣра святыми отцами отъ православныя вѣры отречена и проклятью предана». Бывшій игуменъ Троицкой лавры Іона голословно обвинилъ Артемія въ хулѣ на крестное знаменіе — соборъ призналъ это обвиненіе. По словамъ Іоны, Артемій говорилъ будто-бы: «прежде-де сего на челѣ своемъ знаменіе клали, а нынче своимъ произволеніемъ большіе на себя кресты кладутъ». Даже С. Садковскій, внимательно ищущій у Артемія неправославныхъ поступковъ, признаетъ въ своемъ изслѣдованіи это обвиненіе непонятнымъ и склоняется къ мысли, что Іона просто оклеветалъ Артемія. Келарю Троицкой лавры Ангелову Артемій говорилъ, что Богъ не приметъ молитвъ за людей «растлѣнно жившихъ» и грабителей — соборъ усмотрѣлъ въ этомъ,

что Артемій «отсѣкаетъ у грѣшныхъ надежду спасенія». Не могло нравиться и отрицательное отношеніе Артемія къ казнямъ еретиковъ. Кирилловскому игумену Симеону Артемій говорилъ по этому поводу: «не вѣдаютъ того, что ересь. Сожгли Курицына да Рукаваго, а нынѣча и не вѣдаютъ, про что сожгли». Поставлено было въ вину «вольнодумцу» и его отрицательное отношеніе къ чисто-словесной, внѣшней молитвѣ, вылившееся у Артемія въ слѣдующей мѣткой фразѣ: «говорятъ въ канонѣ «Іисусе сладкій», а услышать слово Іисусово о заповѣдяхъ Его и «въ горесть прелагаются», что заповѣди надо «сотворити»; въ акаистѣ говорятъ: «радуйся, да радуйся чистая», а сами о чистотѣ «не радятъ и въ *празднословіи* пребываютъ». И говорятъ это въ силу обычая, а не «по правдѣ».

Артемій, вообще, боялся соборнаго суда и часто запирался, отнѣкивался, но въ концѣ-концовъ долженъ былъ сознаться въ блудныхъ дѣлахъ, совершенныхъ имъ до нареченія игуменомъ Троицкой лавры, причемъ сказалъ, будто духовникъ велѣлъ ему «переступить» эти дѣла, умолчать о нихъ. На очной ставкѣ выяснилось, что духовникъ не говорилъ этого Артемію. С. Сладковскій полагаетъ, что Артемій съ цѣлью самооправданія просто оклеветалъ духовника и это именно и было поставлено ему въ вину соборомъ.

Соборный приговоръ установлялъ для Артемія ссылку въ Соловецкій монастырь съ полнымъ воспрещеніемъ входить въ сношенія не только съ мірянами, но и съ духовными лицами. Соборная грамота въ Соловецкій монастырь подробно исчисляетъ всѣ условія содержанія Артемія «точію затворену и заключену», «въ велицей крѣпости» и т. п.

Не будемъ входить въ обсужденіе вопроса, невинно-ли пострадалъ Артемій, какъ думали князь Курбскій, Хлѣбниковъ, Костомаровъ, или по заслугамъ, какъ усердно пытается доказать С. Сладков-

скій. Важно то, что Артемій былъ осужденъ и, вѣроятно, умеръ-бы въ казематѣ тюрьмы-обители, какъ и многіе другіе. Но Артемій нашелъ способы убѣжать изъ монастыря въ Литву и сталъ тамъ ярымъ защитникомъ православія. Его взгляды измѣнились, о чемъ онъ и самъ упоминаетъ въ своихъ посланіяхъ изъ Литвы. Была-ли эта перемѣна плодомъ учительскаго усердія соловецкаго игумена Филиппа, которому предписывалось поучать Артемія «отъ божественнаго писанія о всѣхъ полезныхъ къ его обращенію», — сказать трудно. Изъ дошедшихъ до насъ пересказовъ соборнаго дѣла недостаточно ясно видно даже, насколько основательны были обвиненія Артемія въ такихъ дѣйствительно еретическихъ воззрѣніяхъ, какъ отрицаніе равенства Отца и Сына, таинствъ евхаристіи и покаянія и т. п. И то обстоятельство, что Артемій явился въ Литвѣ ярымъ поборникомъ православія, черезъ 2—3 года послѣ соборнаго признанія его вѣроотступничества — говоритъ скорѣе въ пользу судейскаго пристрастія, чѣмъ еретичества Артемія.

Современникъ Артемія — князь Курбскій — всецѣло на сторонѣ Артемія. Онъ указываетъ, какимъ путемъ «осифляне» добывали свидѣтелей противъ Артемія: «помучиша различными муками, научающе на Артемія клеветамъ; иже добровольнѣ не возмогоша навести ихъ, негли мукъ не претерпѣвши, нѣчто произнесутъ». А самый приговоръ собора по дѣлу Артемія вызываетъ у Курбскаго слѣдующія строки: «таковъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, наче-жъ въ оной землѣ, презлый и любостяжательный, лукавства исполненъ, мнишескій родъ! Во истину всякихъ катовъ (мучителей) горши: понеже къ лютости вселукавъ зѣло». И какъ-бы не относиться къ этимъ словамъ князя-изгнанника, въ нихъ нельзя не видѣть доли справедливости. Даже немногіе дошедшіе до насъ документы по дѣлу Артемія и Башкина даютъ основанія называть соборный приговоръ пристрастнымъ, а обви-

неніе во многомъ недобросовѣстнымъ. «Вѣсте мудрованіе наше, яко-же никогда-же глагола или сомнѣвахся въ православнѣй вѣрѣ святыя единосущныя Троицы, яко нѣціи лжуть на насъ». Въ этихъ словахъ Артемія въ первомъ его «утѣшительномъ» посланіи чувствуется больше правды, чѣмъ въ соборномъ приговорѣ.

Въ этомъ самомъ посланіи, писанномъ до суда еще, Артемій пророчески предугадалъ свою и Башкина участь. Говоря о «мнящихся христіанахъ», воздвигающихъ гоненія за вѣру, Артемій указываетъ, что преслѣдуютъ именно за напоминанія о забытыхъ Христовыхъ завѣтахъ. Христосъ былъ кротокъ съ заблуждающимися, таковы-же были и апостолы. И вотъ гонители, не рѣшаясь идти въ открытую, лицемѣрятъ, прибѣгаютъ къ клеветамъ, говорятъ, что обвиняемые «яко (будто) во Христа не вѣруютъ». Именно такъ и строилось, какъ мы видѣли, обвиненіе Башкина и Артемія въ еретичествѣ.

Сознавая узость и неправильность пониманія Евангелія господствующими «осифлянами» и потому принадлежа къ числу «взыскующихъ града», Артемій усердно возставалъ противъ гоненій и казней за религіозное свободомысліе. Легкость, съ какой правящая Церковь всякаго ищущаго готова была назвать еретикомъ и вести на костеръ, вызываетъ у Артемія цѣлый рядъ разсужденій на тему «неподобно есть христіаномъ убивати еретичествующихъ, яко-же творятъ не наученніе, но наче кротостію наказывати противящаяся и молитися о нихъ».

Но «осифляне» были глухи къ такимъ разсужденіямъ и продолжали «царскою помощію» устремляться «на убійство и изгнаніе» инако мыслящихъ.

Однако, гоненія не могли остановить религіознаго броженія, а скорѣе усиливали его, окружая гонимыхъ ореоломъ мученичества за правду. За Башкинымъ и Артеміемъ на соборный судъ предсталъ еще болѣе упорный и радикальный «взыскующій» — Феодосій Косой.

Ѳеодосій Косой.

Осужденныя соборомъ правящей Церкви религіозныя сомнѣнія Матвѣя Башкина и критическое отношеніе къ существующей церковной жизни Артемія игумена Троицкаго не замедлили вылиться въ болѣе яркія формы. Робкихъ отрицателей и мнимыхъ «еретиковъ» смѣнилъ энергичный и начитанный, «полемистъ, обладающій знаніемъ и можно выразиться эрудиціей», Ѳеодосій Косой, съ которымъ правящей Церкви не удалось расправиться такъ, какъ съ Башкинымъ и Артеміемъ. Въ Косомъ начатки нашего жидовствующаго раціонализма слились съ западною ересью антитринитаріевъ. Башкинъ и Артемій «ревновали только объ исправленіи въ церковнонародной жизни того, что считали несообразнымъ съ истиннымъ ученіемъ и духомъ вѣры и Церкви», какъ говоритъ проф. И. Малышевскій, тогда какъ Косой отрицалъ уже всѣ таинства, троичность лицъ, божественность Христа, святоотеческія писанія и преданія, богослуженіе, іерархію и т. д. Въ лицѣ Косого предъ Русскою правящею Церковью предсталъ врагъ несравнимо болѣе опасный, чѣмъ «вравнііі ребячье» Башкинъ или «нестяжатель» Артемій. Косой уже не сомнѣвался, не просилъ научить и растолковать, а рѣшительно отвергалъ чуть-ли не все, что составляло сущность православія и притомъ отвергалъ съ нѣкоторымъ талантомъ, если можно такъ выразиться. Его нападки на православіе даже въ передачѣ послѣдователей носятъ рѣшительный, продуманный характеръ, всегда опираются на тексты св. Писанія, иногда остроумно и тонко мотивированы.

Къ счастью для правящей Церкви, Косой былъ вынужденъ бѣжать изъ предѣловъ Россіи — иначе его ересь вѣроятно пустила-бы въ Россіи не менѣе, если еще не болѣе прочные корни, чѣмъ «жидовствующіе».

Для внѣшней біографіи Косого исторія даетъ немного свѣдѣній, пожалуй даже меньше, чѣмъ для Башкина и Артемія.

Ѳеодосій Косой былъ холопомъ одного изъ московскихъ бояръ, какъ говорили Зиновію Отенскому послѣдователи Косого — клирошане старорусскаго Спасскаго монастыря. Кто именно былъ хозяиномъ Косого и какія должности онъ несъ при господинѣ — неизвѣстно. Изъ Москвы Косой бѣжалъ на Бѣлоозеро съ нѣкоторыми товарищами-рабами. Въ ту пору монастыри были единственнымъ мѣстомъ, спасавшимъ бѣглыхъ отъ преслѣдованія и сыска. Бѣглецы постриглись въ монашество и жили въ «заволжскихъ пустыняхъ». Есть основанія полагать, что Косой жилъ въ той самой Порфиріевой заволжской пустыни, въ которой находился и Артемій Троицкій.

Время, когда именно бѣжалъ Косой отъ своего господина — неизвѣстно. Нѣтъ никакихъ свѣдѣній и о нравственномъ обликѣ Косого. Клирошане говорили Зиновію Отенскому, что Косой «улучилъ» свободу «мужествомъ и разумомъ своимъ» и что ушелъ отъ господина на конѣ и съ «имѣніемъ». Присвоеніе холопомъ коня и имущества является, по понятіямъ эпохи, кражею: холопъ не могъ имѣть никакой собственности. Но клирошане говорили, что Косой взялъ того коня, на которомъ онъ ѣздилъ, «между ею прочая, особная отъ господиновыхъ» имущества. Это можетъ указывать на видное положеніе Косого среди другихъ холоповъ его хозяина. На то-же можетъ указывать и уваженіе, оказывавшееся Косому въ монашествѣ его бывшимъ господиномъ, о которомъ тоже говорили Зиновію клирошане, хотя совершенно неизвѣстно, гдѣ именно Косой встрѣтился впослѣдствіи съ бывшимъ своимъ господиномъ.

Было-ли бѣгство Косого къ «нестяжателямъ» дѣломъ обдуманнымъ или случайнымъ — сказать трудно по недостатку свѣдѣній. Неизвѣстенъ ни возрастъ Косого, ни даже время, проведенное имъ у заволжскихъ старцевъ.

Самымъ выдающимся среди «нестяжателей» былъ въ то время Артемій, и Ѳеодосій естественно сталъ его ученикомъ и послѣдователемъ. Зиновій Отенскій и игуменъ Іоасафъ прямо называютъ Косого и его товарищей — Игнатія и Вассіана — «ученики Артеміевы».

Сколько времени пробылъ Косой у Артемія — неизвѣстно, но есть основаніе полагать, какъ указываетъ Ѳ. Калугинъ, что въ годъ поставленія Артемія въ игумены Троице-Сергіевой лавры — 1551 — Ѳеодосій съ товарищами перешелъ въ Ново-озерскій монастырь.

Когда соборъ осудилъ и сослалъ Артемія, начались розыски его послѣдователей и вообще всѣхъ религіозныхъ вольнодумцевъ или «еретиковъ», какъ именуютъ ихъ офиціальные акты эпохи. Въ историческихъ актахъ мы встрѣчаемъ очень много именъ людей, «ятыхъ въ еретичествѣ», но о большинствѣ изъ нихъ исторія только и сохранила, что имена. Полной картины религіознаго броженія въ Россіи конца XV и всего XVI вѣка дать невозможно, къ сожалѣнію, хотя это броженіе и было, повидимому, сильнымъ, потребовало отъ правящей Церкви напряженной борьбы. Башкинъ и Артемій были осуждены на соборѣ въ 1553 году, а въ слѣдующемъ 1554 г. «иные явились еретики — два черноца съ Бѣлоозера». Эти «чернецы» и были, по вѣроятному предположенію митрополита Макарія, Ѳеодосій Косой и его ученикъ и послѣдователь Игнатій (Вассіанъ).

Соборное дѣло о Ѳеодосіи до насъ не дошло. Мы знаемъ только, что черновыя его хранились въ недошедшимъ до насъ ящикѣ № 222 царскаго архива, вмѣстѣ съ дѣлами Башкина, Артемія и «иныхъ стар-

цевъ» и что дѣло Косого на соборѣ до конца доведено не было, такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ учениками и послѣдователями, бѣжалъ изъ московскаго монастыря, въ который былъ заключенъ, еще во время слѣдствія по дѣлу объ его еретичествѣ.

Отсутствіе соборнаго дѣла не даетъ возможности установить, въ чемъ состояло ученіе Косого до его бѣгства въ Литву. Игуменъ Іоасафъ указываетъ, что Косой училъ, будто святые, «по смерти ихъ ничтоже могутъ сотворити». Зиновій говоритъ, что Косой «похули» Богородицу и всѣхъ святыхъ, отрицалъ мощи, преподобныхъ считалъ равными «всѣмъ мертвецамъ», отрицалъ поклоненіе иконамъ, называлъ иконы «идолами», а мощи — «мертвецами эллинскими». Все это — отрицанія, можно сказать, общія всему русскому раціонализму XVI вѣка, отрицанія, рождавшіяся и вскармливавшіяся на нашей церковной почвѣ.

Оспаривается и число послѣдователей Косого за этотъ первоначальный періодъ его еретичества. Зиновій и Іоасафъ «свидѣтельствуютъ о большой распространенности ереси не только среди простого народа, но и между духовенствомъ». Проф. Голубинскій въ своей «Исторіи Русской Церкви», напротивъ, находитъ, что «о слишкомъ большомъ числѣ» послѣдователей Косого «во всякомъ случаѣ не должно думать», на томъ основаніи, что послѣдователями Косого называются опредѣленно лишь заволжскіе старцы.

Бѣгство Косого въ Литву можетъ относиться къ 1554 или 1555 году. Во время бѣгства Косой со спутниками «множицею» мѣняли свои одежды и имена, чтобы скрыть слѣды. Въ Литвѣ бѣглецы основались въ мѣстности подъ названіемъ «Усо-чортъ» и стали проповѣдывать свое ученіе. Ѳеодосій вскорѣ женился на какой-то вдовѣ (по показанію нѣкоторыхъ источниковъ — на еврейкѣ). Гдѣ именно находилось озеро «Усо-чортъ», у котораго поселился Ѳеодосій, не-

извѣстно. Можно думать, что это просто искаженное названіе какого-либо изъ озеръ Витебской губ. (Усвѣча, Усвоя, Усвѣчье, Усомля). По словамъ польскаго историка А. Венгерскаго, Ѳеодосій прибылъ «изъ глубины Московіи» въ Витебскъ. Показаніе Венгерскаго, явно ошибочное въ хронологическомъ смыслѣ и нѣкоторыхъ подробностяхъ, въ общемъ, повидимому, вѣрно излагаетъ исторію первыхъ шаговъ Косого за предѣлами Московской Руси. Онъ проповѣдывалъ въ Витебскѣ свои иконоборческія идеи, не останавливаясь и предъ «сокрушеніемъ истукановъ». Пылкая проповѣдь эта продолжалась, повидимому, недолго, вызвавъ угрозы со стороны мѣстнаго православнаго духовенства и Ѳеодосій съ товарищами направился въ глубь Литвы, гдѣ, по выраженію Венгерскаго, «уже свободнѣе раздавалось евангельское слово». Но сѣмена новаго ученія все-же дали всходы и въ «сердцахъ витебскихъ жителей». По показанію того-же Венгерскаго, витебскіе жители, «возлюбивъ слово Божіе и возненавидѣвъ идолопоклоническіе обряды», призвали къ себѣ изъ Литвы и Польши «проповѣдниковъ чистой религіи и соорудили храмъ въ нижнемъ городѣ». Но и проповѣдники, и храмъ были уже не анти-тринитаріанскіе, а просто кальвиническіе.

Какъ именно жилъ Ѳеодосій въ Литвѣ — исторія почти не сохранила свѣдѣній. Почти повсюду Ѳеодосій упоминается вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Игнатіемъ, съ которымъ онъ, вѣроятно, былъ взятъ съ Бѣлоозера и бѣжалъ изъ Москвы въ Литву. Объ Игнатіи извѣстно, что въ семидесятыхъ годахъ XVI в. онъ жилъ на Волыни у пана Кадіана Чаплія или Чаплича въ качествѣ религіознаго проповѣдника, какъ это было тогда въ модѣ въ Польшѣ и Литвѣ. Возможно, что его примѣру послѣдовалъ и Ѳеодосій, какъ предполагаютъ Ѳ. Калугинъ и И. Малышевскій. Послѣдній считаетъ даже возможнымъ, что Косой жилъ вмѣстѣ съ Игнатіемъ у Чаплія. Послѣдніе дни

и время смерти Өеодосія — неизвѣстны. Проф. Малышевскій, довѣряя извѣстію А. Венгерскаго о пришедшихъ въ Витебскъ изъ Москвы монахахъ, считаетъ уже въ то время Өеодосія старикомъ, но самый фактъ его женитьбы скорѣе указываетъ на противное, какъ полагаютъ О. Калугинъ и Костомаровъ.

Въ то время реформація дѣлала сильные успѣхи въ Польшѣ и Литвѣ. И кальвинизмъ, и лютеранство, и ученіе «моравскихъ» братьевъ пожинали здѣсь обильные плоды. Распространялась въ Литвѣ и Польшѣ и итальянская ересь «социніанъ» или «антитринитаріевъ», основателемъ которой былъ сіенскій патрицій Лелій Социнъ. Антитринитаріи отвергали троичность лицъ (отсюда и названіе), воплощеніе и искупленіе Христа, всѣ таинства, обряды, іерархію, святыхъ и иконы. Въ ихъ ученіи было много сроднаго нашимъ «жидовствующимъ», особенно въ томъ подраздѣленіи секты, которое образовалось въ Литвѣ и Польшѣ. Хронологически, наше «жидовство» появилось болѣе чѣмъ за полвѣка до дня рожденія наиболѣе рѣшительнаго изъ еретиковъ-антитринитаріевъ Лелія Социна. Въ Литвѣ и Польшѣ какъ-бы слились двѣ независимыя другъ отъ друга волны религіозно-раціоналистическаго вольномыслія: западная и восточная, социніанство и «жидовство».

Въ 1551 г. глава итальянскихъ антитринитаріевъ подвергся изгнанію изъ Италіи и прибылъ въ Польшу. Пропаганда антитринитаріанства усилилась, и ко второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка ересь пустила настолько прочные корни, что созывались уже антитринитаріанскіе соборы.

Антитринитаріи по характеристикѣ И. Малышевскаго, называли себя «истинными избранными христіанами». По ихъ мнѣнію, христіанскія истины стали искажаться съ тѣхъ поръ, какъ ученые философы обратились въ христіанство и внесли въ него языческія идеи; искателями истины были, по ихъ мнѣнію, древніе еретики и въ ихъ числѣ Павелъ Само-

сатскій, Фотинъ и Арій; себя антитринитаріане считали «возстановителями чистой первобытной христіанской истины». Они дѣлились на рядъ партій или отдѣльныхъ сектъ. Одна изъ нихъ — къ которой принадлежалъ и Косой — отличалась радикализмомъ и называлась партіей «полужидовствующихъ антитринитаріевъ»; ея главою былъ Симонъ Будный.

Зависимость Косого отъ ученія антитринитаріанъ, какъ мы говорили, невозможно точно установить на основаніи имѣющихся источниковъ. И. Малышевскій, И. Соколовъ, А. Щаповъ, Н. Емельяновъ считаютъ ересь Косого явленіемъ наноснымъ, объясняютъ ея происхожденіе западнымъ вліяніемъ. Костомаровъ, проф. Голубинскій, митрополитъ Макарій, И. Цвѣтаевъ и Ѳ. Калугинъ, напротивъ, считаютъ ересь Косого явленіемъ самобытнымъ. Послѣдній взглядъ, несомнѣнно, болѣе вѣренъ. И. Цвѣтаевъ справедливо говоритъ, что вольномысліе Косого «было дальнѣйшимъ развитіемъ прежнихъ раціоналистическихъ д о м а ш н и х ъ лжеученій и лишь отчасти, быть можетъ, раздутое пришлымъ ученіемъ со стороны». Проф. Голубинскій опредѣленно говоритъ, что ученіе Косого «было видоизмѣненнымъ продолженіемъ ереси жидовствующихъ», раціонализмъ которой, «бывъ очищенъ отъ жидовства и явился въ видѣ христіанско-раціоналистической ереси Ѳеодосія Косого», и даже склоненъ думать, что преобразователемъ ереси «жидовствующихъ» въ христіанскій раціонализмъ былъ именно Косой. Изъ внимательнаго анализа всѣхъ свѣдѣній о ереси Косого, Ѳ. Калугинъ приходитъ къ тому выводу, что ересь Косого «возникла на почвѣ домашняго критицизма, направленнаго противъ крайностей внѣшне-обрядоваго благочестія и нравственныхъ непорядковъ», явилась «рѣзкимъ и уродливымъ выраженіемъ» обличительнаго направленія «нестяжателей». «Въ смутномъ и неопредѣленномъ видѣ вынесенное изъ отечества въ Литву это отрицательное направленіе Косого получило тамъ для себя теоре-

тическое обоснованіе подъ воздѣйствіемъ протестанства и было усилено вліяніемъ антитринитаріанскихъ идей».

Вопросъ объ образованности Косого рѣшается болѣе или менѣе опредѣленно. Онъ хорошо зналъ Евангеліе, Апостолъ, Библію, цитировалъ иногда Златоуста, Василія Великаго.

Любопытно, между прочимъ, что Косой, зная, какъ чтитъ православная Церковь св. Василія Великаго, особенно усердно черпаетъ доказательства своей справедливости именно у него. Косой настолько внимательно изучалъ творенія Василія Великаго, что даже нашелъ въ нихъ противорѣчія. «Василій въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что всякое согрѣшеніе, хотя-бы и малѣйшее, принимаетъ неотложно месть. Въ другомъ мѣстѣ онъ назначаетъ эпитеміи за разныя согрѣшенія, то великія, то малыя. Что-нибудь одно изъ двухъ: или-же онъ себѣ противенъ: либо равно должны наказываться согрѣшенія какъ великія, такъ и малыя; либо отпускаются согрѣшенія по правиламъ; либо это слово и правило, которое вы ему приписываете, не имъ написано».

Письменныхъ памятниковъ своего ученія Косой не оставилъ и оно извѣстно лишь отъ третьихъ лицъ.

Ученіе Косого подробно изложено въ двухъ церковно-полемическихъ памятникахъ: «Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи» и «Многословное посланіе», принадлежащихъ иноку Отенскаго монастыря Зиновію. Въ 1565 или 1566 году, т. е. приблизительно черезъ десятокъ лѣтъ послѣ бѣгства Косого въ Литву, къ Зиновію явились «вопрошатели»: клирошане старорусскаго монастыря Герасимъ и Аѳонасій и иконописецъ Ѳеодоръ. Они упросили старца Зиновія раскрыть имъ истины христіанскаго ученія. «Вопрошатели», какъ оказалось, были совращены въ ересь Косого. Изъ изложенія ими взглядовъ Косого и опроверженій Зиновія и состоитъ «Истины показаніе». Другой памятникъ — «Многословное посланіе»

написано тоже къ «вопросившимъ о новомъ ученіи» жителямъ Литвы.

Пользуясь группировкой текста изъ обоихъ сочиненій Зиновія, произведенной Ѳ. Калугинымъ, а также изложеніемъ ереси Косого у гг. Емельянова и Костомарова, остановимся на нѣкоторыхъ сторонахъ ученія Косого.

«Не права у васъ вѣра, говорилъ онъ, вы только Бога гнѣвите своимъ мнимымъ благочестіемъ». Ту-же мысль мы найдемъ и у жидовствующихъ, у заволжскихъ старцевъ, Артемія Троицкаго и всѣхъ русскихъ раціоналистовъ, которыхъ смущало всероссійское обрядовѣріе.

Косой отрицаетъ храмы: о нихъ ничего не говорится ни въ Евангеліи, ни въ Апостолѣ; апостолы молились въ «горницѣ»; единственный существовавшій въ Іерусалимѣ храмъ Христосъ хотѣлъ разрушить; «нынѣ не церкви созданы, но кумирницы и златокузницы». Златоустъ говоритъ: «церковь не стѣны, но вѣрныхъ соборы»; въ книгѣ Маргаритъ написано: «не храмъ освящаетъ сходящихся, но сходящіеся храмъ святъ сотворяютъ».

Косой отвергаетъ иконы. Онъ не находитъ упоминанія о нихъ въ Новомъ Завѣтѣ, а всѣ библейскіе завѣты противъ идолопоклонства примѣняетъ къ иконамъ. «Иконы-бо, якоже идоли, очи имъ писаны, и уши, и ноздри, и уста, и руки, и ноги, и ничтоже ими дѣйствуютъ, ни могутъ двигнути». (Башкинъ и Артемій иконы называютъ «идолами окаянными»). «Яже глагола Соломонъ о идолѣхъ, тая-же видимо о иконахъ сотворяемо». Косой указывалъ, что иконы сгораютъ въ огнѣ, ихъ можно украсть и вообще отрицалъ ихъ чудотворность, полагая, что если и бываютъ отъ нихъ чудеса, то исключительно «на прельщеніе», т. е. отъ діавола.

Косой отвергаетъ почитаніе креста и приводитъ любопытные мотивы, по которымъ можно «отъ себе познати» неправильность почитанія креста. Если, гово-

ритъ онъ, у кого-нибудь сынъ убитъ «палицею». можетъ-ли отецъ «палицу ону любити, сю-же сынъ его убіенъ бысть»? И если кто-нибудь любитъ и цѣлуетъ эту палицу — не возненавидитъ-ли его за это отецъ убитаго? «Тако и Богъ ненавидитъ креста, яко убиша сына Его на немъ; тако-же прогнѣвается Богъ и на почитающихъ крестъ — убійцу Сына Его». Эти сужденія могли быть дѣйствительно очень соблазнительными для всѣхъ, хоть сколько-нибудь мыслящихъ вѣрующихъ временъ Косого, тѣмъ болѣе, что они сопровождались ученіемъ объ «истинномъ крестѣ Христовомъ». Истинный крестъ, какъ училъ Косой, есть тотъ, о которомъ сказалъ Христосъ: возьми крестъ свой и по Мнѣ гряди, а не деревянный, созданный руками человѣческими.

Косой отвергаетъ почитаніе святыхъ и мощей. Поклоненіемъ предъ мощами епископы «производятъ соблазнъ въ народѣ, отводя его отъ Бога къ почитанію мертвецовъ». Эти мысли развиваются у Косого съ большою послѣдовательностью и сопровождаются иногда очень тонкими замѣчаніями. Косой находитъ, напримѣръ, что даже чтеніе житій святыхъ служитъ къ соблазну, ибо въ житіяхъ написано, какъ святые укоряли мучителей, а это вовсе не приличествуетъ христіанамъ. Кланяться тѣламъ умершихъ — значитъ оправдывать слова пророка: «живые отъ мертвыхъ помощи не взыскуютъ». «Именуютъ себѣ — Русь православная, а сии паче человѣкослужители и идолослужители, понеже храмы поставиша, и въ нихъ иконы мертвыхъ аки идолы утвердиша на декахъ и мертвецы положиша въ ковчеги... нарекше преподобными, праведными и святыми, уставивше поютъ имъ канонъ... и молятся мертвымъ».

«Не подобаетъ много почитати», по мнѣнію Косого, и Богоматерь «рожшую Христа». Въ оправданіе этого Косой приводитъ тексты изъ Евангелія о томъ, что творящій волю Господню есть братъ, сестра и мать Христова.

Косой отвергаетъ таинства, какъ и всю внѣшнюю обрядовую сторону, начиная съ молитвы. «Истинная молитва въ томъ, чтобы отступить отъ неправды»; «подобаетъ покланятися духомъ Отцу, а не поклоны творити». «Богъ истязуетъ (требуетъ) токмо сердца чиста, а не молитвы». Вмѣсто таинства причащенія онъ устанавливаетъ преломленіе на трапезахъ обыкновенныхъ хлѣбовъ («торговыхъ колачей»). Христосъ «глаголы предаде, а не тѣло свое, ни кровь свою, и то причастіе простой общій хлѣбъ, и ясти его якоже и общій хлѣбъ, не пріуготовляяся», т. е. не исповѣдуясь. Отвергается и крещеніе на основаніи словъ апостола: «обрѣзаніе ничто-же есть и необрѣзаніе ничто-же есть».

Вообще обрядовая сторона вызываетъ у Косого рядъ злыхъ насмѣшекъ. Церковныя службы онъ называетъ прямо «идольскими». Свѣчи и иные приносимые въ церковь дары Косой считаетъ идольскими жертвами. «Нынѣ приношенія Богъ не взыскуетъ, въ ветхомъ таковая быша, нынѣ жертва Богу — духъ сокрушенъ, по писанному». Отрицаются и посты. «Кто дни раздѣлили на постные и не-постные?» — спрашиваетъ Косой и тотчасъ приводитъ тексты: «не могутъ сынове брачніи поститеся, донелѣже съ ними женихъ есть — Христосъ», «не входящая въ уста скверни̂тъ человѣка» и т. д.

Завѣщая своимъ послѣдователямъ «къ попамъ не ходити», Косой яростно нападаетъ на епископатъ. Онъ называетъ епископовъ «идольскими жрецами, ложными учителями», примѣняетъ къ нимъ слова и Златоуста: «нынѣ попы не суть священницы Божіи, но лицемѣрствуются священствомъ», и Василія Великаго, что въ нихъ «раздвоеніе и пря и ревность обрѣтается». Но въ особенности обличалъ онъ жестокость епископата въ борьбѣ съ вольномысліемъ, какъ и Артемій Троицкій. Епископы «токмо пѣнію и канонамъ прилежатъ, ихъ-же въ евангеліи нѣсть писано хранити и творити, а великой евангельской запо-

вѣди любви не исполняютъ. Они насъ, называя еретиками, преслѣдуютъ, гонятъ, истязуютъ, въ тюрьмы затворяютъ, не давая учить истинѣ. Какъ прежде гнали апостоловъ, такъ нынѣ гонятъ насъ... Евангеліе-же мучити и еретиковъ не повелѣваетъ... Они не любятъ истины и въ ревности прятся и отлучаютъ насъ, любви не хранящe».

Отрицалъ Косой и монашество. «Монастыри — человѣческая преданія», заявляетъ онъ; «черночество» не завѣщано ни въ евангеліи, ни въ апостолѣ. Его — какъ и всѣхъ мыслящихъ вѣрующихъ эпохи — поражаютъ и смущаютъ монастырскія земли. Ни въ евангеліи, ни въ апостолѣ онъ не находитъ основаній монастырскому землевладѣнію — значитъ, это человѣческое измышленіе.

Всѣ изложенныя выше воззрѣнія Косого еще не особенно расходятся съ нашимъ «домашнимъ религіознымъ раціонализмомъ» — съ заволжскими старцами и «еретиками» Башкинымъ и Артеміемъ. Но Косой послѣдовательнѣе ихъ въ своемъ отрицаніи. Его религіозныя сомнѣнія получаютъ къ тому-же серьезную внѣшнюю опору у литовскихъ антитринитаріевъ, которой не было у «нестяжателей». И вотъ, въ согласіи все-же съ нашими русскими «жидовствующими», — Косой отвергаетъ троичность Лицъ. Навело его на эту мысль чтеніе Библіи, ея постоянныя напоминанія о единствѣ Божіемъ. Самъ собою явился выводъ: «Богу единому быть, а не многимъ». Далѣе — логика неизбѣжно вела къ отрицанію божественности Христа и Его воплощенія.

Отношеніе Косого ко Христу представляется недостаточно выясненнымъ. Показанія клирошанъ Зиновію противорѣчивы. Они говорили, что Косой «исповѣдуетъ Христа во плоти пришедша», но въ чемъ, именно, выражалось это «исповѣданіе» — неизвѣстно. За Бога Косой Христа не считалъ, опираясь на многіе тексты и въ томъ числѣ на слова апостола Павла: «единъ есть Богъ и единъ ходатай Богу и человѣкомъ —

человѣкъ Іисусъ Христосъ» (I Тим. II, 5). Повидимому, Косому было непонятно и воплощеніе Христа; по крайней мѣрѣ, клирошане вовсе не понимали его и засыпали Зиновія недоумѣнными вопросами, возникавшими, главнымъ образомъ, отъ непониманія значенія перваго грѣхопаденія. Не замѣчая перемѣнъ въ физической природѣ человѣка до Христа (т. е. до воплощенія) и послѣ него — они не могли понять и того, въ чемъ-же выразилось искупленіе человѣчества. Но даже, если-бы Господь и захотѣлъ оказать людямъ помощь, «чесо-же убо ради Сыну его воплотиться, а не послати Богу иного кого на помощь худости человѣчестѣй?». Создавъ человѣка, Богъ могъ бы, по ихъ мнѣнію, «и паки поновити образъ свой и не воплотився», для этого достаточно было бы слова Господня, создавшаго весь міръ.

Интересно отмѣтить, между прочимъ, что Косой, при всѣхъ своихъ заблужденіяхъ въ толкованіи евангельскаго ученія, все-таки уловилъ анархическія безвластныя черты христіанскаго общественнаго строя. «Не подобаетъ повиноватися властемъ и попамъ», учитъ онъ. Священники «учатъ по книгамъ и по уставамъ ихъ человѣческая преданія и повелѣваютъ земскихъ властей боятися и дани даяти имъ; не подобаетъ-же въ христіанахъ властемъ быти».

Таково было въ общихъ чертахъ ученіе Косаго, соблазнившее клирошанъ и доставившее иноку Зиновію поводъ къ апологетическимъ сочиненіямъ. Интересно отмѣтить тотъ пріемъ въ распространеніи Косымъ своего ученія, который вызывалъ, очевидно, большой соблазнъ среди православныхъ, жаловавшихся, что священное писаніе для нихъ «закрыто». Православные епископы и попы, — говорили Зиновію клирошане, — ложные учителя, «понеже» при ученіи «книгъ въ руку не держатъ». Не то Косой: онъ истинный учитель, «понеже вруку имѣяй книги и тыа разгибая комуждо писанна давъ самому прочитати».

Понятность ученія Косого по сравненію со священнымъ писаніемъ и влекла къ нему.

Исторія не сохранила намъ никакихъ свѣдѣній о послѣдователяхъ Косого въ Россіи, кромѣ вопрошавшихъ Зиновія клирошанъ.

* *
*

Со смертью Косого «еретичество» какъ-бы замираетъ и надолго. Религіозное «усумнительство» уходитъ куда-то вглубь народныхъ массъ и тамъ пробиваетъ себѣ незримую дорогу. Правящая Церковь вступаетъ волею Никона, въ борьбу съ крайностями обрядовѣрія и соборными клятвами дѣлитъ себя на-двое... Лишь въ началѣ XVIII вѣка вновь вспыхиваетъ невѣдомо гдѣ тлѣвшій до сихъ поръ огонь религіозныхъ сомнѣній взыскующей русской души. Вспыхиваетъ и мало-по-малу вырождается въ сектантство. Исторія господствующей Церкви ни на іоту не мѣняетъ своего хода отъ появленія многихъ «самосмышленныхъ ересей». Религіозныя движенія не разливаются въ ширь и въ глубь, а сосредоточиваются въ небольшихъ группахъ.

Всего знаменательнѣе въ охарактеризованныхъ религіозныхъ движеніяхъ—ихъ внутренняя преемственность. Въ разное время, при различныхъ условіяхъ, русское религіозное мышленіе выдвигаетъ почти одни и тѣ же недоумѣнные вопросы, встрѣчаетъ одинаковыя препятствія къ признанію существующаго церковнаго строя и ученія за истинные. Главнѣйшее изъ этихъ препятствій — отсутствіе истиннаго церковнаго учительства, отсутствіе пастырскаго примѣра для «жизни во Христѣ» и чрезмѣрная привязанность къ внѣшней обрядовой сторонѣ. Объ отсутствіи нестяжательства у пастырей церкви печалуются стригольники; истиннаго пастыря ищетъ у священниковъ Матвѣй Башкинъ; Ѳеодосій Косой завѣщаетъ своимъ

послѣдователямъ «къ попамъ не ходити». Обрядовая сторона въ большей или меньшей степени отрицается всѣми описанными выше еретиками, ставящими религіозное настроеніе — «умное дѣланіе» заволжскихъ старцевъ — выше бездушнаго исполненія обрядовъ и «пребыванія въ празднословіи». Еретики хотятъ видѣть христіанство дѣятельнымъ, не въ храмахъ только, но и въ жизни, не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Иными словами они предъявляютъ къ господствующей церкви тѣ же требованія, которыя мы слышимъ и теперь, какъ среди людей вѣрующихъ и религіозно настроенныхъ, такъ и среди внѣ-религіознаго общества.

Но громадная масса вѣрующаго народа и стоящая на ея сторонѣ господствующая Церковь вовсе не раздѣляютъ этихъ мнѣній. Отсюда и трагизмъ въ судьбѣ русскихъ «еретиковъ». Они передовые люди своего времени и потому непонятые, неоцѣненные гибнутъ въ монастырскихъ тюрьмахъ или на кострахъ. Народныя массы не ищутъ живого христіанскаго Бога, о Которомъ мечтаютъ «еретики». Не ищетъ Его и сама Церковь, погруженная въ точное выполненіе обрядовъ. Массовое отпаденіе отъ господствующей церкви возможно не на почвѣ проповѣдуемаго «еретиками» новаго христіанства, а на почвѣ узкой обрядности—двуперстія, единаго «аза» и сугубой аллилуіи.

Черезъ нѣсколько вѣковъ только, послѣ многихъ жертвъ, русское «еретичество» оказывается въ силахъ создать отдѣльныя, болѣе или менѣе стойкія и многочисленныя религіозныя секты. Эти то секты и являются наслѣдницами религіозныхъ сомнѣній ихъ далекихъ и трагически погибшихъ предвѣстниковъ — русскихъ «еретиковъ» XIV — XVI вѣковъ.

(Драма). **Вальтеръ-Скоттъ.** Ивангоэ. **Гамсунъ.** Исторія одной любви. **Гауптманъ.** Ткачи. (Драма). Потонувшій колоколъ. **Гете.** Фаустъ. **Гофманъ.** Разсказы. **Гриммъ.** Сказки и легенды. **Гюго.** Девяносто-третій годъ. **Диккенсъ.** Давидъ Копперфильдъ. **Додэ.** Маленькій приходъ; Тартаренъ изъ Тараскона. **Дю-Морье.** Трильби. **Зуттнеръ.** Долой оружіе. **Ибсенъ.** Брандъ. (Драма): Цезарь и Галилеянинъ. (Драма). **Конанъ-Дойль.** Подвиги бригадира Жерара; Баскервильская собака. **Куперъ.** Звѣробой. **Лихтенбергеръ.** Новый донъ-Кихотъ. **Лессингъ.** Натанъ Мудрый. **Лоранъ.** Сынъ Наполеона. **Маргеритъ.** Новыя женщины; Погромъ. **Меримэ.** Карменъ; Варѳоломеевская ночь. **Мопассанъ.** Гора Оріоль. **Прево.** Полудѣвы; Осень женщины. **Свифтъ.** Приключенія Гулливера. **Синклеръ.** Дебри. **Уайльдъ.** Саломея.— Вѣеръ лэди Уайндермеръ. **Французъ.** Борьба за право. **Хаггардъ.** Она. **Шекспиръ.** Макбетъ; Юлій Цезарь; Шейлокъ; Отелло. **Шиллеръ.** Донъ-Карлосъ; Марія Стюартъ.

Иностранные поэты.

Спеціальная серія по 10 коп. за выпускъ.

Біографическій отдѣлъ.

Религіозные дѣятели: Лютеръ, протопопъ Аввакумъ, Іоаннъ Златоустъ, Янъ Гусъ и др. **Замѣчательные русскіе люди:** Богданъ Хмѣльницкій, Новиковъ, Суворовъ. **Художники:** Леонардо да Винчи (проф. Г. Сэайля), Рафаэль (Э. Мюнца), Рембрандтъ (Э. Верхарна), Рубенсъ (Г. Жеффруа), Микель-Анджело (Г. Кнакфуса). Беклинъ (Ф. Остини). **Проф. П. Кудрявцевъ.** Римскія женщины.

Исторія.

Мишо. Исторія крестовыхъ походовъ. **Э. Лависсъ.** Политическая исторія Европы. **Народныя движенія въ Россіи.** Разиновщина.— Стрѣлецкіе бунты.— Пугачевщина.—Бунты крѣпостныхъ — и др. **Проф. О. Пфлейдереръ.** Исторія религіи. **Исторія русскаго искусства. Исторія музыки.** Г. Лавуа. **Исторія танца.** Ф. де-Мениля.

Оперныя либретто.

Спеціальная серія по 10 коп. за выпускъ.

ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА

Выпуски 1908 года.

1. **Проф. Т. Грановскій.** Четыре характеристики. **10 к.**
2. **А. Грибоѣдовъ.** Горе отъ ума. **10 к.**
3. **В. Гюго.** Избранныя стихотворенія. **10 к.**
4. **В. Шекспиръ.** Гамлетъ принцъ Датскій. **10 к.**
5. 6. **М. Сервантесъ.** Донъ-Кихотъ Ламанчскій. **20 к.**
7. **Народныя движенія въ Россіи.** I. Морозовщина **10 к.**
8, 9, 10. **Р. Базенъ.** Умирающая земля. **30 к.**
11. **В. Аловъ.** „Русскіе еретики“ **10 к.**
12, 13. **Д. де-Фо.** Робинзонъ Крузо. **20 к.**
14. **Проф. П. Кудрявцевъ.** Римскія женщины. **10 к.**
15. **М. Метерлинкъ.** Слѣпые. Внутри. Сестра Беатриса. **10 коп.**
16, 17, 18. **Проф. А. Рамбо.** Исторія французской революціи. **30 коп.**
19. **А. Марлинскій.** Наѣзды. **10 к.**
20, 21. **Е. Марлиттъ.** Вторая жена. **20 к.**
22. **М. Загоскинъ.** Кузьма Рощинъ. **10 к.**
23. **А. Чирецкій.** Патріархъ Никонъ. **10 к.**
24, 25, 26. **К. Байэ.** Исторія искусства. **30 к.**
27. **А. Шнитцлеръ.** Подруга жизни. Зеленый попугай. **10 коп.**
28, 29. **Г. Бичеръ-Стоу.** Хижина дяди Тома. **20 к.**
30. **Г. Флоберъ.** Иродіада. Сказаніе о Юліанѣ Милостивомъ. **10 к.**
31. **П. Чайковскій.** Либретто оперъ. **10 к.**
32, 33. **В. Шекспиръ.** Гамлетъ (съ примѣчаніями для постановки на сценѣ). **20 к.**
34. **Е. Мюнцъ.** Рафаэль. Біографическій очеркъ. **10 к.**
35. **Ф. Шиллеръ.** Избранныя стихотворенія. **10 к.**
36. **Н. Римскій-Корсаковъ.** Либретто оперъ. **10 к.**
37. **Слово о полку Игоревѣ.** (Классное изданіе). **10 к.**
38. **Народныя движенія въ Россіи.** II. Разиновщина. **10 коп.**
39, 40, 41. **Ренэ Базенъ.** Возрождающаяся земля. **30 к.**

Типографія „Герольдъ“, СПб. 7 рота, 26.

